

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 165–179.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 165–179.

Научная статья

УДК 343.235.6(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/165-179>

ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НЕПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Илья Викторович Ищенко

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Симферополь, Россия, ivi.crim@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы научные подходы к понятиям характера и степени общественной опасности преступления и на их основе сформулированы авторские предложения по разграничению данных понятий. Обосновывается, что характер и степень, являясь показателями общественной опасности, устанавливаются в зависимости от двух различных групп обстоятельств: характер опасности – от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава и характеризующих его объект, объективную и субъективную стороны и субъект, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности. При этом аргументируется мысль о том, что из понятия «степень общественной опасности» нельзя исключать ни личность виновного, ни смягчающие или отягчающие обстоятельства, ни какие-либо другие фактические обстоятельства, влияющие на его общественную опасность. С учетом такого понимания сделаны предложения *de lege ferenda*, касающиеся ч. 3 ст. 60 УК РФ, а также предложена новая редакция п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

В статье также исследована общественная опасность неправомерных деяний, в результате чего сделан вывод, что ее содержание, показатели и возможность использования понятий характера и степени общественной опасности зависят от конкретного вида такого деяния.

Ключевые слова: характер общественной опасности, степень общественной опасности; преступление, неправомерные деяния, уголовное законодательство, док-

трина уголовного права, научные подходы, судебная практика, элементы состава преступления, признаки состава преступления, личность виновного, фактические обстоятельства, оценка преступления.

Для цитирования: Ищенко И. В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непроступных деяний: проблемы понятия и критериев определения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 165–179. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/165-179>

Original article

THE NATURE AND DEGREE OF PUBLIC DANGER OF CRIMES AND NON-CRIMINAL ACTS: PROBLEMS OF THE CONCEPT AND CRITERIA OF DEFINITION

Иша Викторович Ищенко

Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia,
ivi.crim@mail.ru

Abstract: The article analyzes scientific approaches to the concepts of the nature and degree of public danger of crime. Based on them, the author has formulated the proposals for differentiation of these concepts. It is proved that, being the indicators of public danger, the nature and degree are determined depending on two different groups of circumstances: the nature of the danger – from the specific signs of the crime that lie within its composition and characterize its object, objective and subjective sides and subject, and the degree of public danger – based on circumstances that are not reflected in the composition crimes, but are taken into account by the court and affect various aspects of criminal responsibility. At the same time, the idea is argued that neither the identity of the culprit, nor mitigating or aggravating circumstances, nor any other factual circumstances affecting the culprit's public danger can be excluded from the concept of degree of public danger. Taking into account this understanding, proposals were made *de lege ferenda* concerning Part 3 of Article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation, and a new version of Paragraph 1 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 dated December 22, 2015 "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation" was proposed. The article also examines the public danger of non-criminal acts leading to the conclusion that its content, indicators and the possibility of using the concepts of the nature and degree of public danger depend on the specific type of this act.

Keywords: nature of public danger, degree of public danger, crimes, criminal acts, criminal law, doctrine of criminal law, scientific approaches, judicial practice, elements of the corpus delicti, signs of the corpus delicti, identity of the perpetrator, factual circumstances, assessment of the crime.

For citation: Ishchenko I. V. The nature and degree of public danger of crimes and non-criminal acts: problems of the concept and criteria of definition // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 165–179. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/165-179>

В уголовно-правовой науке и практике одним из наиболее разработанных (хотя и дискуссионных) понятий является общественная опасность преступления. В отличие от этого, общественная опасность неправомерных деяний исследована гораздо меньше. Данное обстоятельство диктует логику и содержание настоящей статьи, в которой вначале рассматриваются характеристики общественной опасности преступления, а затем – общественной опасности неправомерных деяний.

Общественная опасность преступления как предмет изучения сразу же обнаруживает редкую гармонию уголовного законодательства, доктрины и судебной практики: каждая из этих трех форм воплощения уголовного права оперирует такими понятиями, как характер и степень общественной опасности. Правда, на этом гармония и заканчивается, поскольку более глубокий анализ выявляет существенный разброс мнений и подходов не только к их содержанию, но и к взаимосвязи с общественной опасностью. Так, характер и степень именуется соответственно качественной и количественной сторонами общественной опасности преступления [1, с. 53–59], качественной и количественной характеристиками [2, с. 112], различными уровнями оценки преступления [3, с. 27; 4, с. 63], показателями общественной опасности, инструментарием измерения общественной опасности, характеризующими признаками и т.д.

Не менее широка и разнообразна линейка научных подходов к содержанию рассматриваемых понятий. Причем среди них можно выявить, с одной стороны, группу точек зрения, традиционно обсуждаемых в доктрине уголовного права, уже имеющих целый ряд своих адептов, оппонентов и регулярно прирастающих новыми, а с другой – единичные мнения, стоящие в стороне от основного дискурса.

Так, большинство криминалистов связывают характер общественной опасности с теми общественными отношениями, на которые направлено преступление, т. е. с его объектом. При этом подчеркивается, что характер общественной опасности зависит от важности общественных отношений и показывает типовую характеристику вредности тех или иных деяний, объединенных общим объектом, а степень общественной опасности определяется способом совершения преступления, тяже-

стью наступивших последствий, стадиями осуществления преступного намерения и другими юридически значимыми особенностями конкретных преступных деяний [5, с. 42]. Данный подход можно назвать традиционным, его в той или иной степени разделяют многие ученые.

Немало сторонников имеет и другое понимание характера общественной опасности. Оно заключается в том, что его содержание образуют все элементы и признаки состава преступления, как объективные, так и субъективные. В частности, Н. Ф. Кузнецова, отмечая ведущее значение объекта и последствий преступления, относила к ним также способ совершения преступления, форму вины, содержание мотивов и целей, признаки субъекта преступления и пр. [1, с. 53–58] Степень общественной опасности, по ее мнению, являясь количественной стороной материального признака преступления, образуется за счет совокупной степени общественной опасности объективных и субъективных признаков преступления [1, с. 58–59]. Так же широко трактуют понятие характера общественной опасности преступления и другие ученые, связывая его со всеми или со многими признаками состава преступления.

Весьма убедительна, на наш взгляд, позиция Ю. Е. Пудовочкина, который, вслед за В. В. Мальцевым, обосновывает, что характер и степень общественной опасности отражают различные уровни оценки преступления: характер свидетельствует об опасности преступлений определенного вида, а степень – об опасности конкретного преступления [4, с. 63; 3, с. 27]. Е. В. Благов также полагает, что характер общественной опасности позволяет уяснить не индивидуальные признаки конкретного преступления, а общие признаки преступлений определенного вида (убийств, изнасилований, хищений и пр.) [6, с. 39]. Как следствие, утверждается, что характер общественной опасности определен законодателем, когда он принял решение о криминализации того или иного общественно опасного деяния. В этом отношении характер опасности не может быть изменен без законодательного решения, он – фактор неизменный, а это, в свою очередь, означает, что «суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, ибо иное означало бы сомнение в обоснованности самой криминализации деяния. Суд лишь учитывает ... характер опасности преступления» [6, с. 64].

Целый ряд суждений, касающихся понятий характера и степени общественной опасности преступления, высказал Верховный Суд РФ. Самое главное из них, по нашему мнению, содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – постановление от 22.12.2015 № 58). Процитируем его полностью: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом со-

циальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств деяния, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления».

Приведенные результаты научных исследований и обобщения судебной практики представляются достаточными для аргументированного изложения нашей авторской позиции относительно понятий «характер» и «степень» общественной опасности. При этом целесообразно начать с краткого комментария итогов научной разработанности рассматриваемых понятий.

Прежде всего полагаем, что для характеристики взаимосвязи понятий характера и степени с понятием «общественная опасность» не могут быть применены такие термины, как «количественная сторона» или «количественная характеристика», ибо любое упоминание о количестве требует математических последствий: в каких единицах измерять, каким образом суммировать или вычитать соответствующие признаки, установленные в конкретном преступлении, и т. д. Решить такую задачу невозможно: нам кажется непоколебимой правота Ю. Е. Пудовочкина, утверждающего, что «измерить общественную опасность преступления как разновидности зла так же невозможно, как при помощи математики исчислить степень доброты, вежливости, порядочности и других социально-этических понятий» [4, с. 65]. С учетом изложенного акцент на «количестве» при характеристике общественной опасности некорректен, а это, в свою очередь, означает также невозможность использования для этих целей и понятия «качество» – оно уместно только в смысловой связке с понятием количества. По этим же причинам представляется неприемлемым и термин «инструментарий измерения общественной опасности».

Понимание характера и степени как признаков общественной опасности также, на наш взгляд, не вполне удачно, поскольку понятие «признак» чаще всего свидетельствует о принадлежности объекта к некоторому классу или о факте (обстоятельстве), позволяющем сделать вывод о наличии какого-либо явления и разграничить его с другими¹. Мы придерживаемся точки зрения, что общественная опасность не является исключительно уголовно-правовым понятием, она присуща

¹ О значении термина «признак» в различных словарях см.: Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/972326> (дата обращения: 14.07.2021).

непреступным и даже правомерным действиям, угрозы со стороны которых вполне соизмеримы с криминальными.

По нашему мнению, характер и степень выступают в качестве показателей общественной опасности преступления, они помогают обнаружить и охарактеризовать внешние формы проявления такого сущностного признака преступления, каким является общественная опасность. Иначе говоря, в данном случае применимы философские категории сущности и явления: общественная опасность дается нам в проявлениях ее характера и степени; как ёмко сформулировал Гегель, сущность является, а явление сущностно. Действительно, как мы оцениваем общественную опасность преступления? Как неоднократно указывал Верховный Суд РФ вслед за законодателем, именно по ее характеру и степени. Именно эти показатели (параметры) постоянно находятся в поле зрения высшей судебной инстанции, именно их она уточняет в своих актах по мере накопления правоприменительного и научного опыта.

Переходя к содержанию исследуемых понятий, считаем необходимым обратить внимание на неполноту, а значит, и небезупречность господствующего в науке взгляда на зависимость характера общественной опасности от объекта преступного посягательства. Несмотря на весьма добротное обоснование и привлекательность профессионального «искушения» раз и навсегда четко отграничить характер опасности от ее степени, он имеет некоторые недостатки. Главным из них представляется его несогласованность с позицией Верховного Суда РФ, который связывает характер общественной опасности не только с объектом преступления, но со всеми установленными судом признаками состава преступления. Направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред лишь имеют приоритет в учете характера общественной опасности судом, но вовсе не исключают оценки и учета других признаков. Подход Верховного Суда РФ представляется нам единственно верным: при характеристике общественной опасности преступления, тем более, ее характера, недопустимо ограничиваться только одним элементом состава преступления. Конечно, его важность очевидна и признана законодателем: объект преступления лежит в основе структуры Особенной части уголовного закона. Но очевидно и то, что общественная опасность посягательств на один и тот же объект может быть совершенно различной (например, ст.ст. 105–108; 205 и 205⁶, 212 и 214 УК РФ). Это убедительно доказывает, что в подобных случаях определяющими опасностью элементами и признаками составов являются иные, а не объект преступления.

Рассмотрение характера и степени общественной опасности через призму всех признаков состава преступления также представляется нам не оптимальным, поскольку не позволяет более или менее ясно разграничить признаки, «отвечающие», с одной стороны, за характер, а с другой – за степень общественной опасности. Этот существенный, на наш взгляд, изъян имеется и в постановлении от 22.12.2015

№ 58. Так, причиненный вред Верховный Суд РФ относит к характеру общественной опасности, а характер и размер наступивших последствий – к степени общественной опасности. Подобные примеры встречались и в доктрине уголовного права: форма вины включалась в характер общественной опасности, а виды умысла и неосторожности – в степень общественной опасности [2, с. 110, 116–117]. При таком подходе естественным образом возникает вопрос: а что такое форма вины, если не объединение различных видов умысла и неосторожности? Другими словами, если мы отнесем виды умысла и неосторожности к степени общественной опасности, что содержательно останется на долю ее характера? К сожалению, ответов на эти вопросы в соответствующих научных публикациях мы не находим.

С пониманием характера и степени общественной опасности как различными уровнями оценки преступления, при всей его логической стройности, также нельзя полностью согласиться. Во-первых, и УК РФ, и соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ регулируют прежде всего оценку характера и степени общественной опасности именно конкретного преступления, а не «преступлений определенного вида» (ч. 3 ст. 47, ч. 3 ст. 60, п. 1.1. ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 68, ч. 2 ст. 73 УК РФ, пп. 1, 27, 66 постановления от 22.12.2015 № 58). Во-вторых, если трудно спорить с тем, что характер общественной опасности определяется законодателем¹, то вывод о том, что суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, не просто спорен – он очевидно противоречит уголовному закону и единообразной практике его применения. Часть 6 ст. 15 УК РФ – веское доказательство тому, что суд наделен правомочием не просто вторгаться, а изменять опасность преступления, понижая его категорию на одну ступень. Кроме того, в п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58 предусмотрено, что характер общественной опасности преступления хоть и «определяется уголовным законом», но все-таки «зависит от установленных судом признаков состава преступления». Отмеченные обстоятельства опровергают, на наш взгляд, тезис о неизменном характере общественной опасности. Веским аргументом в пользу этого является позиция судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского, высказанная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа», правильно отметившего главную специфику общественной опасности, которая представляет собой «не только объективный риск», но «ещё и человеческое, субъективное состояние, и в этом смысле она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают, в частности, законодательным решением по праву конституционного народного волеизъявления и в силу законодательных полномочий». Может ли быть «неизменным» законодательное и судебное усмотрение? Думаем, нет.

¹ По большому счёту, в уголовном праве многое, почти всё, определяется законодателем – в этом проявляется специфика отрасли.

Правовая позиция Верховного Суда РФ относительно характера и степени общественной опасности преступления, закрепленная в постановлении от 22.12.2015 № 58, позволяет уяснить следующие важные для нашего исследования положения: 1) при назначении наказания судом должны быть учтены как характер, так и степень общественной опасности; 2) характер общественной опасности зависит от установленных судом признаков состава преступления, т.е. связан именно с ними; 3) приоритетное значение в процессе установления характера общественной опасности имеют направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред; 4) степень общественной опасности зависит от конкретных обстоятельств содеянного – характера и размера последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, видов умысла либо неосторожности; 5) смягчающие и отягчающие обстоятельства также учитываются при определении степени общественной опасности преступления (к этому положению вернемся еще чуть позже).

Думается, что на основании изложенного допустимо предложить следующее разграничение понятий «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности»: первое образуют обстоятельства, связанные с признаками преступления, лежащими в рамках конкретного состава и характеризующими, соответственно, его объект, объективную и субъективную стороны, а также субъект преступления. Второе понятие – «степень общественной опасности» – устанавливается, исходя из тех обстоятельств, которые не отражены в законодательной формуле преступления – его составе, но учитываются судом и влияют на назначение наказания или на иные аспекты ответственности (освобождение от наказания или от уголовной ответственности, применение условного осуждения, мер уголовно-правового характера и пр.). Так, характер общественной опасности убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) будут определять признаки объекта, объективной, субъективной стороны и субъекта (направленность на жизнь, последствия, характер деяния, содержание умысла, характеристики возраста и вменяемости виновного и пр.), а степень общественной опасности, к примеру, такие обстоятельства, как мотив сострадания, наличие малолетних детей у виновного и пр. Преимущества такого разграничения, на наш взгляд, заключаются в его основанности на совершенно различных, не совпадающих и не дублирующих друг друга группах обстоятельств, а также на частичном соответствии достаточно многочисленной и единообразной судебной практике по конкретным делам.

В дополнение к этому добавим, что при констатации судами малозначительности деяния принимаются во внимание доказательства широкого спектра фактических обстоятельств, в том числе лежащих за пределами конкретных составов преступлений.

Таким образом, приведенное обоснование, по-нашему мнению, убеждает в том, что предлагаемое нами разграничение содержания понятий характера и степе-

ни общественной опасности является не только логичным и оптимальным, но и учитывает фактическую готовность к такому разграничению в судебной практике, которую необходимо лишь формализовать в соответствующих постановлениях Верховного Суда РФ и иных судебных актах. Для этого предлагаем откорректировать п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58 следующим образом: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, лежащих за пределами состава преступления. К ним могут быть отнесены, например, характер и размер последствий преступления с формальным составом, мотивы, цели, способы деяния, не являющиеся составообразующими или квалифицирующими признаками, характеристики личности виновного, его постпреступное поведение и пр. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание...» – далее по тексту.

Отдельного развернутого комментария заслуживает предлагаемое нами включение в содержание понятия «степень общественной опасности» применительно к личности виновного¹, поскольку в уголовно-правовой доктрине имеются взгляды, причем не единичные, согласно которым характеристика личности рассматривается за пределами общественной опасности. Так, Ю. Е. Пудовочкин считает, что «следует четко различать опасность преступления и опасность лица, совершившего преступление...; нет оснований для того, чтобы отождествлять их или смешивать» [4, с. 59]. Обосновывая данную точку зрения, ученый приводит в качестве ее доказательств ситуации замены категории преступления, совершенного при наличии рецидива преступлений на менее тяжкую; оценки особо тяжкого преступления, впервые совершенного лицом с безупречной репутацией вследствие случайного стечения тяжелых жизненных обстоятельств; утраты лицом общественной опасности вследствие изменения обстановки и т.д. [4, с. 60]. На основании этого заключается, что «при всей взаимосвязи, опасность преступления и опасность личности – не совпадающие феномены, имеющие, к тому же, различающиеся критерии и параметры оценки» [4, с. 60]. Конечно, «отождествлять» или «смешивать» общественную опасность преступления и общественную опасность личности виновного не следует. Они, действительно, касаются различных явлений, имеют различные критерии и параметры оценки. Однако, по нашему мнению, это не препятствует уста-

¹ Реже, но всё же встречаются точки зрения, согласно которым «внедрение» в сферу общественной опасности преступления и признаков субъективной стороны (в том числе вины) провозглашается «сомнительным».

новлению между ними взаимосвязи по типу «часть» (общественная опасность личности) и «целое» (общественная опасность преступления). Больше того, игнорирование такой взаимосвязи представляется нам глубоко ошибочным и не соответствующим не только уголовному законодательству и практике его применения, но и просто здравому смыслу. Взять хотя бы, к примеру, изменение категории преступления, предусмотренное ч. 6 ст. 15 УК РФ: закон связывает данную возможность, кроме прочего, с наличием смягчающих наказание обстоятельств, а Верховный Суд РФ требует при решении данного вопроса принимать во внимание в том числе роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, а также «другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности». Следовательно, этот, как и другие аргументы, приведенные Ю. Е. Пудовочкиным, доказывают как раз обратное – личность виновного оказывает существенное влияние на общественную опасность преступления, вплоть до «понижения» категории конкретного преступления, т. е. фактически выхода за пределы законодательной категоризации преступлений.

Личность виновного исключают из содержания общественной опасности и другие исследователи, полагающие, что характеристика личности, выступая в качестве самостоятельного начала назначения наказания, выходит за пределы не только общественной опасности деяния, но и обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание [7, с. 32–35]. Данный подход разделяла также Т. В. Непомнящая [2, с. 118]. Выражая свое отношение к нему, уместно обратить внимание на то, что упоминание в ч. 3 ст. 60 УК РФ, наряду с общественной опасностью преступления, личности виновного, не свидетельствует об их абсолютной автономности хотя бы потому, что называемые здесь же обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, по мнению Верховного Суда РФ, высказанные в п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58, «учитываются при определении *степени общественной опасности преступления* (курсив наш. – И. И.)». Формальная логика диктует такое же отношение и к обстоятельствам, характеризующим личность преступника.

Справедливости ради отметим, что высказаны и более правильные, на наш взгляд, суждения о неразрывной связи и взаимозависимости общественной опасности преступления и общественной опасности личности виновного. Однако мы предлагаем сделать следующий важный шаг – законодательно закрепить статус общественной опасности личности и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как важных и неотъемлемых компонентов общественной опасности преступления. С этой целью содержание ч. 3 ст. 60 УК РФ представляется целесообразным изменить следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а

также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Суд также учитывает влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного»¹.

Как подчеркивалось ранее, другой, менее исследованной «разновидностью» общественной опасности в уголовном праве является опасность неправомерных деяний, о которой мы можем судить на основании ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 20, ст. 21, ст. 28, ст.ст. 37-42 УК РФ. В связи с этим возникают очень интересные исследовательские вопросы: каковы показатели этой общественной опасности? Из чего она складывается? Можно ли пользоваться для ее установления понятиями характера и степени общественной опасности? Попробуем на них ответить, проанализировав вышеуказанные статьи уголовного закона.

Формулировка малозначительного деяния, закрепленная в ч. 2 ст. 14 УК РФ, позволяет вывести из нее два важных обстоятельства: во-первых, законодатель упоминает об общественной опасности в целом, без акцентации на каких-либо ее показателях; во-вторых, для признания деяния малозначительным необходимо пусть и формальное, но все же наличие в нем признаков состава преступления. Помимо этого, как неоднократно подчеркивалось, в судебной практике для характеристики малозначительности используется широкий набор параметров, часть из которых позволяет уяснить характер, а часть – степень его общественной опасности.

Содержание ч. 3 ст. 20, ст. 21 и ст. 28 УК РФ также убеждает в том, что в них речь идет о тех общественно опасных деяниях, которые предусмотрены уголовным законодательством. Так, и возрастная невменяемость, и невменяемость, и невиновное причинение вреда – следствие различных дефектов сознания и воли деятеля, которые законодатель считает несовместимыми с уголовной ответственностью. А последняя, в свою очередь, возможна лишь за те деяния, которые указаны в УК РФ. Об этом же свидетельствует и терминология анализируемых положений: «не подлежит уголовной ответственности», «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» (ч. 3 ст. 20, ст. 21 УК РФ). В случае со ст. 28 УК РФ, регламентирующей невиновное причинение вреда, сходный вывод помогает сделать ст. 5 УК РФ, устанавливающая на уровне отраслевого принципа, что «лицо подлежит *уголовной ответственности* (курсив наш. – И. И.) только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина».

¹ Тема нашего исследования не позволяет подробно останавливаться на соотношении действующей редакции ч. 3 ст. 60 УК РФ с целями уголовного наказания, провозглашенными в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Вместе с тем, предлагая новую редакцию, мы не смогли не обратить внимание на законодательную ошибку, заключающуюся, на наш взгляд, в игнорировании двух из трех закрепленных в законе целей наказания, и предложили исправить ее, указав на необходимость со стороны суда соотносить назначаемое наказание не только с целью исправления осужденного, но и с другими целями наказания.

Таким образом, во всех трех рассмотренных ситуациях соответствующие лица попадают в сферу уголовно-правового регулирования только тогда, когда совершенное им деяние соответствует статье Особенной части УК РФ. Если невменяемый, к примеру, громко распевает песни в ночное время, уголовно-правовое принуждение к нему применено быть не может: для этого необходимо совершить кражу, убийство или иное деяние, предусмотренное УК РФ. Казалось бы, это дает основания распространять и на указанные ситуации понятия характера и степени общественной опасности, присущие преступлению. Вместе с тем и законодательная, и правоприменительная логика связывают общественную опасность рассматриваемых неправомерных деяний преимущественно с опасностью лица, их совершившего. Например, при решении судами вопросов о применении принудительных мер медицинского характера. О преобладающем значении в характеристике общественной опасности рассматриваемой группы неправомерных деяний данных о личности свидетельствует и само основание их выделения в уголовном законе: как упоминалось ранее, это дефекты сознания и воли соответствующих субъектов, иначе говоря – субъективные признаки.

Наконец, применительно к обстоятельствам, исключаящим преступность деяния, сделать вывод о возможности использования понятий «характер» и «степень» общественной опасности можно, как представляется, отталкиваясь от анализа тех обстоятельств, которые лежат в основе разграничения правомерной необходимой обороны и превышения ее пределов.

Об общественной опасности обстоятельств, исключаящих преступность деяния, можно вести речь только в случаях, когда нарушаются предусмотренные уголовным законом условия их правомерности и причинение вреда охраняемым общественным отношениям выражается в конкретном преступном деянии. Разумеется, в таком случае применимы и параметры характера и степени общественной опасности, которые используются для характеристики преступного деяния.

Основываясь на изложенном, кратко сформулируем основные выводы:

1. «Характер» и «степень» являются показателями общественной опасности, помогая обнаружить, зафиксировать, охарактеризовать (т.е. наполнить реальным содержанием) данный сущностный признак преступления.

2. Характер общественной опасности должен устанавливаться в зависимости от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава и характеризующих его объект, объективную и субъективную стороны и субъекта, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности.

3. С учетом предлагаемого разграничения между характером и степенью общественной опасности считаем целесообразной следующую редакцию п. 1 постановления от 22.12.2015 № 58: «Характер общественной опасности преступления

определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, лежащих за пределами состава преступления. К ним могут быть отнесены, например, характер и размер последствий преступления с формальным составом, мотивы, цели, способы деяния, не являющиеся составообразующими или квалифицирующими признаками, характеристики личности виновного, его постпреступное поведение и пр. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание...» – далее по тексту.

4. Из понятия «степень общественной опасности» нельзя исключать ни личность виновного, ни смягчающие или отягчающие обстоятельства, ни какие-либо другие фактические обстоятельства, влияющие на его общественную опасность. Исходя из этого, предлагается изменить ч. 3 ст. 60 УК РФ следующим образом: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, в том числе личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Суд также учитывает влияние назначенного наказания на достижение его целей и на условия жизни семьи осужденного».

5. Общественная опасность неправомерных деяний зависит от вида такого деяния. По отношению к малозначительным деяниям целесообразно применять понятия характера и степени общественной опасности; общественная опасность деяний, совершенных при наличии различных дефектов сознания и воли (ч. 3 ст. 20, ст. 21, 28 УК РФ) полностью зависит от характеристик личности лица, их совершившего; общественная опасность обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеет уголовно-правовое значение только в случаях, когда нарушаются законодательные параметры их правомерности, а причиненный вред выражается в конкретном преступном деянии – соответственно, здесь применимы показатели «характер» и «степень» общественной опасности в том понимании, которое свойственно преступлению.

Список источников

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. 522 с.
2. Непомнящая Т. В. Учет судами общих начал назначения наказания при избрании меры наказания // *Lex Russica*. 2017. № 12 (133). С. 110–123.

3. Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 39 с.
4. Пудовочкин Ю. Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Аспирион», 2019. С. 57–67.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Ю. В. Грачевой. М.: Проспект, 2021. 416 с.
6. Благов Е. В. Применение общих начал назначения уголовного наказания: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.
7. Анисимков В. М., Королева Е. В. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // Российский следователь. 2014. № 1. С. 32–35.

References

1. Encyclopedia of criminal law. T. 3: The concept of crime. St. Petersburg: Ed. Professor Malinin, 2005. 522 p. (In Russ.).
2. Nepomnyashchaya T. V. Consideration by the courts of the general principles of sentencing when choosing a measure of punishment. *Lex Russica*, 2017, no. 12 (133), pp. 110–123. (In Russ.).
3. Maltsev V. V. The problem of reflection and evaluation of socially dangerous behavior in criminal law. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 1993. 39 p. (In Russ.).
4. Pudovochkin Yu. E. The concept, criteria and limits of taking into account the public danger of a crime by the court. In: *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Aspirion" Publ., 2019, pp. 57–67. (In Russ.).
5. Gracheva Yu.V. (ed.). Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 416 p. (In Russ.).
6. Blagov E. V. The use of general principles for the appointment of criminal punishment: monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. 192 p. (In Russ.).
7. Anisimkov V. M., Koroleva E. V. Characteristics of the person guilty of a crime as an independent beginning in sentencing. *Rossiiskii sledovatel'*, 2014, no. 1, pp. 32–35. (In Russ.).

Информация об авторе

И. В. Ищенко – мировой судья судебного участка № 80 Симферопольского судебного района (Симферопольский муниципальный район) Республики Крым, старший преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь, Россия.

Information about the author

I. V. Ishchenko – Justice of the Peace of the judicial district No. 80 of the Simferopol Judicial District (Simferopol Municipal District) of the Republic of Crimea, Associate Professor of the Department of Criminal Law Crimean branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice", Simferopol, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.